

Николай Добролюбов

**Московские элегии М.
Дмитриева**

Николай Александрович Добролюбов

Московские элегии М. Дмитриева

«...Добродушный поэт дошел, после горького опыта жизни, до самого отчаянного скептицизма: ему представляется по временам, что Москвы нет... то есть она есть, но только в его воспоминаниях, – реального же бытия не имеет. Это убеждение так крепко в голове и сердце поэта, что уже ничем нельзя разрушить его... Напрасно вы станете ему показывать на народные гулянья, на пиры, сплетни, кремлевские стены, карты, Марьину рощу, визиты и другие принадлежности московской жизни: ничто на него не действует освежающим образом...»

Содержание

#1	0005
Примечания	0020

**Николай Александрович
Добролюбов
Московские элегии М.
Дмитриева**

Москва, 1858

Известно, что Москва – сердце России, и поэтому «Московские элегии» должны на всю Россию навести неописанное уныние: как же может быть иначе с страной, когда ее *сердце* опечалено и ударилось в элегии! Нам невыразимо жаль бедную Россию! Что это вздумалось ее *сердцу* так опечалиться? Ведь это – явление крайне мудреное... Элегии в Москве! в добродушной, патриархальной, белокаменной, гостеприимной, златоглавой Москве! в Москве, про которую Пушкин сказал:

*Москва! Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось;{1}*

про которую графиня Евдокия Ростопчина пела:

*Ай люли! Ай люли!
Здравствуй, матушка Москва,
Белокаменная!
(Стихотворения, т. II, стр. 442){2}*
;

а полковник Скалозуб прибавил:

Дистанция огромного размера!

В этой самой Москве вдруг, ни с того ни с

сего, появляются элегии! Да что же с тобой, матушка, попритчилось? С чего на тебя такая тоска напала? Кто на тебя этакую напасть напустил? Скажи нам, наша родная, хлебосольная, златоглавая... Кажется, и царь-пушка, и царь-колокол, и Иван Великий, и все сорок сороков твоих при тебе остаются неприкосновенны. О чем же печалиться? Утешься, матушка, успокойся, родимая, утри свои слезы горькие. Посмотри-ко на своего братца меньшого, – как он-то потешается: каждый божий день является у него новый Демокрит, с новым смехом. А у тебя там какой-то плаксивый Гераклит явился.{3} Целых 50 элегий сочинил г. М. Дмитриев... Недобрый человек этот г. М. Дмитриев! Вздумал же ведь – нагнать тоску на целую Россию, опечаливши сердце ее, поместивши целую Москву в элегию!.. В предисловии говорит он, что хотел представить характеристику Москвы и даже намерен был назвать свои элегии: «Москва и москвичи»; да только – *les beaux esprits se rencontrent!*[1] – название это прежде него употреблено уже было Загоскиным.{4} Что же тут элегического, – спрашиваем мы, – о чем же сокрушается

г. Дмитриев, изображая Москву, добродушную, первопрестольную, всегда отличавшуюся более хлебосольным, нежели элегическим, настроением? Вопросы эти разрешаются только ближайшим знакомством с книжкой г. Дмитриева.

Знакомство это привело нас к следующему убеждению. Добродушный поэт дошел, после горького опыта жизни, до самого отчаянного скептицизма: ему представляется по временам, что *Москвы нет...* то есть она есть, но только в его воспоминаниях, – реального же бытия не имеет. Это убеждение так крепко в голове и сердце поэта, что уже ничем нельзя разрушить его... Напрасно вы станете ему показывать на народные гулянья, на пиры, сплетни, кремлевские стены, карты, Марьину рощу, визиты и другие принадлежности московской жизни: ничто на него не действует освежающим образом. Очи его остаются омрачены туманом неверия, и он, в ответ на все ваши указания, только повторяет с сокрушением сердца: «Нет, это не Москва! Какая же это Москва! Разве Москва такая бывает! Нет, вот как я помню Москву, – до француза, – так

то была настоящая Москва; а это что такое? Даже подобия Москвы не имеет». И вслед за тем принимается напевать элегию о том, зачем Москва – не Москва. Вот вам и объяснение того странного обстоятельства, каким образом в Москве могла явиться книжка элегий.

Сопоставление прежней Москвы с тем, что ныне называют Москвою и во что г. М. Дмитриев не верует, не лишено некоторых любопытных черт. Несколько таких черт мы представим читателям.

Москва, настоящая Москва, не нынешняя – призрачная, – с малолетства по гроб жизни пировать и угощать любила. Г-н М. Дмитриев представляет ее угощения в различных фазах ее развития. Он вопрошает:

*Знаете ль, русские люди, давно ли
Москва молодая*

*В первый раз, как боярыня, рус-
ских князей угощала?*

*В тысяча во сто сорок седьмом, –
москвичам ли не помнить?*

*Марта двадцать осьмого сын Мо-
номаха Георгий*

В ней Святослава встречал:

*знать, Москва угощать уж люби-
ла!*

Много времени протекло с тех пор, но не изменился чудный обычай московский у наших предков. Часто они собирались, и тогда

*В кубках чеканных гостям со льду
меды подавали;
Чашник носил, а хозяин за ним, и
кланялся в пояс...
Чудные нравы! Сядут за стол: пи-
роги и похлебки!
Гуси, куря, что с подливкой, что
верчено, пряжено, с луком!
Пол-осетра под рассолом, пол-
осетра с огурцами,
Разные сырники, с медом оладья,
кисель под шафраном;
Вот и хозяйка выходит сама и
потчует водкой...*

Прошло и с тех пор много времени. Многое изменилось, но не изменился чудный обычай московский до наших времен. Г-н М. Дмитриев помнит сам пиры отцов, когда собирались родные к старшему в роде, в день именин или в праздник, как там все было чинно и

смирно за длинными столами:

*Всё по порядку, и чинно разносят-
ся вкусные блюда.
После жаркого обносят бокал, и
все поздравляют.*

Многие уверяют, что подобные обычаи и ныне сохранились на Москве во всей перво-бытной чистоте своей; но г. Дмитриев не хочет верить этому. Он, видя, не видит и в современной Москве осмеивает, преследует с ожесточением то, чем благоговейно восхищается в своих предках. Нынче не то, – говорит он. – Конечно, и ныне пьют и едят, да разве так, как прежде? Во-первых, пряжено, верчено, с луком и в помине нет; а во-вторых, теперь уж всякая дрянь пьет и ест, что уже совершенно противно тому, что было прежде. Вот, например, какой-то маленький человек живет в предместье; кажется, не боярин, – а между тем пьет и ест себе преспокойно, точно какая чиновная птица, и в ус себе не дует. Счастливец! – с горечью восклицает поэт:

*Есть же счастливые люди, кото-
рым день нечего делать;*

*Спится всю ночь напролет, и на-
завтра – другое сегодня!*

*Чая вечернего час им как будто
какое-то дело:*

*Чинно на блюде всегда льют на-
питок они> благородный,*

*Чинно подставляют пять пальцев и
снизу под доньшко держат...*

В этой тонкой иронии так и слышится слезное воспоминание о временах предков, пивших не из чашек, а из чар и бокалов, и во-все не знавших чаю.

Но особенное негодование г. М. Дмитриева возбуждают купцы. Вообразите, в нынешней Москве даже купцы осмеливаются есть и пить, сколько их душе угодно. Это уж ни на что не похоже, и г. М. Дмитриев восклицает с озлоблением:

*Что за народ! Без еды и без чван-
ства им нет и гулянья!*

*В рошу поедут – везут пироги, са-
мовар и варенье.*

*Ходят – жуют; поприсядут – по-
кушают снова!*

*Точно природа из всех им даров
отпустила лишь брюхо...*

В самом деле, досадно. Всякая дрянь туда же – есть хочет. Другое дело наши предки; те по крайней мере боярством заслужили право есть и пить...

Другая прекрасная сторона древнего московского быта, – до француза, – состояла в уважении к роду и вообще к старшим. Картины, рисуемые на эту тему г. М. Дмитриевым, поистине умирительны! Он вспоминает о своей молодости:

*Просты сердцами мы были, как
дети; а добрые старцы,
Наши наставники, были у нас, как
отцы, благосклонны;
Но, как отцы, нас с собой не рав-
няли, нам руку не жали!
Мы уважали их, мы их любили, но
и боялись!
Нас не боялись зато старики: мы
не судьи им были!*

Мы начинаем проникаться сочувствием к жалобам г. М. Дмитриева. Как, в самом деле, не жалеть старцу о том времени, когда старики молодым руки не жали и когда молодые боялись стариков и не смели судить о них! И

чем же заменилось все это? Бесчинством, непочтительностью к старшим и даже родным:

*Нынче не то! Собираются, где веселее!
Нет старших,
Нет молодых; все равны, и слабеют
семейные связи!
Нужен – ему и почет; а не нужен –
умри, и не вспомнят!
Кто в сюртуке, кто во фраке;
этот в пальто мешковатом;
Тот, как француз, с бородой; а рядом
– в звезде заслуженной!*

Предмет, поистине достойный плачевнейшей элегии; только лучше было бы, если бы начало последнего стиха заменено было следующими словами: тот, как наш предок, с бородой... и пр.

Бывало, и праздники проводили иначе, и г. М. Дмитриева преследует на каждом шагу воспоминание о старинных порядках. Так – 24 июня 1846 года он сочинил внезапно элегию о том, что светлое воскресенье мы не так проводим, как следует. Элегия начинается так:

*Вот замолчали уж ранних обеден
прерывные звоны.
К поздним торжественно, гром-
ко звонят, и народ пешеходов
В храмы опять; а уж мы, лишь от
ранних давно разговелись!..
и т. д.*

Описание это так живо, что невольно подумаешь, что оно написано в самый день праздника; только 24 июня, подписанное внизу элегии, разочаровывает вас, напоминая, что пасха никогда не бывает в июне. Но зато тем большее удивление возбуждается в читателе к творческой фантазии г. М. Дмитриева, который, отвергнувши реальность нынешней Москвы, уже не хочет ограничивать себя никакими условиями пространства и времени.

Выхваляя прежнюю, прадедовскую Москву, г. М. Дмитриев замечает, что прадеды наши, бывало, только на третий день праздника ездили в гости, и то – к кому же?

*К старшему в роде, потом к ку-
мовьям да к родным попочетней.*

Ныне вовсе не то: нет «наследственного

почета к горю и опыту старших».

*Кто ж заменил стариков? Кто
взял в обществе власть над ума-
ми?*

*Первый крикун без стыда или вы-
ходец родом безвестный!*

*Что тут до связей семей, где
иной рад забыть и о роде?*

Нынче уж случается, что и отец ищет покровительства сына, – прибавляет г. М. Дмитриев, желая выразить всю великость современного развращения нравов. В самом деле – чего уж ждать от такого общества, где сын может опередить отца или племянник дядю в общественном значении! Плакать надо о таком обществе горячими слезами, как и делает г. Дмитриев.

Но этого недостаточно, что в Москве уж не находит ныне г. М. Дмитриев господ Фамусовых, говорящих:

*Нет, я перед родней, где встре-
тится, ползком... и пр.*

Этого мало: поэт находит в современной Москве еще более тяжкое преступление –

неуважение к поэтам, состоящее в том, что их признают людьми, а не чем-то высшим, как в старину. За такое вольнодумство поэт упрекает нынешнюю Москву в следующих кратких воспоминаниях о старине:

*Музы тогда еще не были согнаны
с холмов Парнаса;
Феба и их имена призывались еще
в песнопеньях!
Жрец опасался их слух оскорбить
неразумною песнью!
Дар песнопенья был всеми уважен,
как данный от бога;
Люди считали поэта – высшим,
чем прочие люди!*

И все это прошло! Феба и муз имена не призываются более; песнопений не слышно, жрецы, музы исчезли и заменились простыми смертными, которые, хоть и имеют поэтический талант, но – увы! все-таки пьют, едят, спят и пр., как и все люди. Ужасно!

И наука теперь уж не такова, как прежде. Бывало, во храме науки, в торжественный день, по словам г. М. Дмитриева, —

Хор прогремит, и всходил Мерзля-

*ков на кафедре, и оду,
Пышную оду громко читал иль
похвальное слово!{5}*

А теперь вместо пышных од читаются речи в прозе, да и те не имеют даже характера похвальных слов. Прежде еще г. Шевырев поддерживал храм науки, сочиняя и оды и панегирики; но теперь – о, роковой удар! – и его не стало!{6} Все заняты теперь существенными потребностями жизни, стремятся к положительным знаниям, к интересам действительности, или, говоря элегическим языком г.-М. Дмитриева:

*Грубый житейский лишь быт
устремляет их жадные очи!*

А в прежнее время поэты, по уверению московского Гераклита, приближали людей к первобытному состоянию человека. Г-н Дмитриев восклицает даже в одной элегии:

*Странная мысль мне пришла!
Первобытный язык человека
Не был ли мерный язык, обретен-
ный поэтами снова?*

Точно, странные мысли приходят иногда в

голову г. М. Дмитриеву!

Но всего более огорчен поэт наш тем, что в нынешней Москве нет более сплетен. Чудною, задушевною грустью веет 37-я элегия: «Молва и сплетни»:

*Добрая наша Москва! говорят,
что на старости любишь
Сплетни ты слушать, молву рас-
пускать...
...Нет, то уж время прошло, и
молва от тебя не исходит!
Нет! ты на старости любишь
только спросить да послушать!*

Это всего печальнее, печальнее даже тех горестных обстоятельств, что купцы и поэты пьют и едят и что бородатые славянофилы, подобно французам, садятся в гостиной рядом с звездой заслуженной... Во всем можно утешиться, но нельзя довольно наплакаться о том, что прошло уж то время, когда Москва занималась сплетнями и распускала молву.

Впрочем, необходимо прибавить в заключение, что все сетования г. М. Дмитриева относятся к 1845–1847 годам. Он сам просит принять это во внимание, потому что, по его сло-

вам, «с тех пор, как писаны эти элегии, многое изменилось в Москве, особенно в убеждениях и направлении многих мнений». За убеждения и направление мы не можем ручаться; но по крайней мере относительно последнего предмета сожаления г. М. Дмитриева в Москве действительно произошла в недавнее время перемена решительная и несомненная. В прошлом году от Москвы исходила «Молва», и если в нынешнем она прекратилась, то, может быть, заменилась сплетнями.{7} Поэт может, значит, утешиться.

Примечания

Условные сокращения

Аничков – Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений под ред. Е. В. Аничкова, тт. I–IX, СПб., изд-во «Деятель», 1911–1912.

Белинский – В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, тт. I–XIII, М., изд-во Академии наук СССР, 1953–1959.

Герцен — А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах тт. I–XXV, М., изд-во Академии наук СССР, 1954–1961 (издание продолжается).

ГИХЛ – Н. А. Добролюбов Полное собрание сочинений в шести томах. Под ред. П. И. Лебедева-Полянского, М., ГИХЛ. 1934–1941.

Гоголь – Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, тт. I–XIV, М., изд-во Академии наук СССР, 1937–1952.

ГПБ – Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Изд. 1862 г. – Н. А. Добролюбов. Сочинения (под ред. Н. Г. Чернышевского), тт. I–IV, СПб., 1862.

ИРЛИ – Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.

Лемке – Н. А. Добролюбов. Первое полное собрание сочинений под ред. М. К. Лемке, тт. I–IV, СПб., изд-во А. С. Панафидиной, 1911 (на обл. – 1912).

ЛН – «Литературное наследство».

Материалы – Материалы для биографии Н. А. Добролюбова, собранные в 1861–1862 годах (Н. Г. Чернышевским), т. I, М., 1890.

Писарев – Д. И. Писарев. Сочинения в четырех томах, тт. 1–4, М., Гослитиздат, 1955–1956.

«*Совр.*» – «Современник».

Указатель – В. Боград. Журнал «Современник» 1847–1866. Указатель содержания. М. – Л., Гослитиздат, 1959,

ЦГИАЛ — Центральный гос. исторический архив (Ленинград).

Чернышевский – Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, тт. I–XVI, М., ГИХЛ, 1939–1953.

Впервые – «Совр.», 1858, № 9, отд. II, стр. 79–85, без подписи. Вошла в изд. 1862 г., т. II, стр. 233–239.

М. А. Дмитриев (1796–1866) – реакционный поэт, критик и мемуарист, выступавший в литературе с 20-х годов XIX века, был известен как приверженец старины, поборник классицизма. Он яростно выступал против передового лагеря в литературе, доходя до прямых доносительных выпадов; таково, например, его стихотворение «Безымянному критику» (1842), направленное против Белинского.

Рецензия Добролюбова, высмеявшая запоздалого «плаксивого Гераклита», вызвала оживленные толки. Близкий приятель Добролюбова И. И. Бордюгов сообщал из Москвы: «И ругают же тебя за Дмитриевские элегии» (Лемке, II, стр. 363). Н. М. Михайловский поместил в следующем номере «Современника» отрицательную рецензию на «Сатиры Квинта Горация Флакка» в переводе М. А. Дмитриева; ранее эта рецензия приписывалась Добролюбову (см. Указатель, стр. 345, 553).

Сноски

1

В великих умах рождаются одинаковые мысли
(франц.). – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Цитата из «Евгения Онегина» (глава седьмая, строфа XXXVI).

[^^^]

2

Цитата из куплетов Е. П. Ростопчиной в водевиле «Не влюбляйся без памяти, не женись без расчета».

[^^^]

3

Антитеза Гераклит и Демокрит, восходящая к преданию о том, что первый философ был «плачущий», а второй «смеющийся», была весьма распространенной в литературе XVIII–XIX веков (в комедии А. И. Клушина «Смех и горе», в водевиле П. А. Каратыгина «Демокрит и Гераклит, или Философы на песках» и др.).

[^^^]

4

Имеется в виду издание М. Н. Загоскина «Москва и москвичи. Записки Богдана Ильича Вельского», вышедшее в 1842–1850 годах.

[^^^]

5

Поэт и критик А. Ф. *Мерзляков* (1778–1830) был также профессором Московского университета.

[^^^]

6

С. П. Шевырев был профессором Московского университета с 1834 года; его отставка связана с тем, что на заседании Совета Московского художественного общества 14 января 1857 года он был избит графом В. А. Бобринским. В «Дневнике» Добролюбова есть упоминание об этой драке (запись от 23 января 1857 года).

[^^^]

«Молва» – славянофильская газета, издававшаяся в Москве в 1857 году. Выход ее прекратился после предупреждения цензуры за статью К. С. Аксакова «Опыт синонимов. Публика и народ», помещенную в № 36 газеты. *Сплетни* – очевидно, намек на уличные листки «Сплетни» и «Сплетник», вышедшие в Петербурге в 1858 году. См. следующую рецензию Добролюбова и прим. к ней.

[^^^]

[^^^]